

НЕИЗВЕСТНОМУ ПОЛЬСКОМУ ЭМИГРАНТУ

Публикация И. Белявской

Письмо, которое мы печатаем по черновому автографу, не содержит ни обращения, ни даты. Как явствует из его текста, оно относится к последнему году Крымской, или Восточной, войны.

Содержание письма уясняется в связи со следующими обстоятельствами. После вступления Англии и Франции в войну широкое распространение получили слухи о создании польского легиона и даже армии, которая якобы должна была двинуться вместе с союзниками из Дунайских княжеств на север — в Польшу. Источником этих слухов, а также некоторых организационных мероприятий, предпринятых в связи с этими слухами, служили демагогические обещания английского и французского правительств всячески содействовать полякам в создании легиона и освобождении Польши.

В действительности, ни Англия, ни Франция никогда не думали об освобождении Польши, они лишь воспользовались польским вопросом в своей дипломатической игре.

Лживость этих обещаний стала, однако, очевидной не сразу. Поляки еще долго не могли освободиться от иллюзий, которые усиленно поддерживались польскими аристократами-эмигрантами (Чарторыйскими и их окружением), являвшимися на деле прямыми агентами западных держав в их борьбе против России. Среди проектов, двигавшихся аристократической партией польской эмиграции по указке английского правительства, существовал, в частности, проект создания корпуса и легиона из русских военнопленных под командованием польских офицеров и... на средства английского правительства.

Для переговоров о реализации этого проекта летом 1855 г. в Лондон прибыл граф Владислав Замойский, родственник и ближайший единомышленник князя Адама Чарторыйского (VIII, 200; Fr. Rawita G a w r o ń s k i. *Materyały do historyi polskiej XIX w. Kraków, 1914, s. 53, 54, 55*). Из опубликованного Лемке донесения заграничного агента III Отделения известно, что проект этот вызвал решительное возражение со стороны демократической партии и ее руководителя Ворцеля и что Замойский вынужден был вынести проект на обсуждение на митинге польской эмиграции, который должен был быть созван 29 июля 1855 г. Состоялся ли этот митинг и где именно, сведений нет.

Однако известно, что 31 июля Ворцелем, Герценом и Кошутом была подписана и отослана Замойскому для прочтения на митинге 1 августа (неизвестно был ли это второй митинг или первый, отложенный с 29 июля) декларация протеста против формирования легиона (VIII, 200). Текст декларации, как и другие документы, относящиеся к участию Герцена в этих событиях, не известны в печати. Поэтому мы можем высказать только догадку, что письмо, которое мы печатаем, относится к этому времени (т. е. к концу июля 1855 г.) и что адресатом его является кто-то из польских эмигрантов.

Публикуемое письмо существенно важно также и для характеристики общих политических позиций Герцена в период Крымской войны. Понимая, что война может привести к ослаблению царизма, Герцен считал необходимым, чтобы русские революционеры воспользовались военной ситуацией для усиления своей борьбы с царизмом (VIII, 68).

Вместе с тем Герцен отчетливо видел, что западные державы вели захватническую войну и вовсе не помышляли, как о том кричала их пропаганда, об уничтожении русского царизма, ибо они считали царизм важнейшим оплотом в борьбе против революции.

«Монархическая Европа,— заявил Герцен на польском митинге, состоявшемся в конце ноября 1853 г. в Лондоне,— во всех своих оттенках, от дикого и кровавого короля неаполитанского до умеренного и честного короля бельгов или короля сардинского, не может начать серьезной войны с царем. В каждом из них

слишком много *Николая* для этого. Никакой Бонапарт, никакой наследственный, ни благоприобретенный деспот не нанесет в самом деле удара своему петербургскому товарищу — им всем он слишком нужен» (VII, 400). Герцен понимал, что западные державы, заинтересованные в сохранении царизма, стремятся лишь несколько ослабить его роль на международной арене, сделать его «пристойным». В таких условиях Герцен считал совершенно недопустимым, как это видно из публикуемого письма, участие русских военнопленных в союзнической армии. Само содержание революционно-демократического патриотизма Герцена, которым и определялись его политические позиции в период Крымской войны, решительно исключало для него какую-либо поддержку тактики блокирования с военными силами западных держав (VIII, 222; XIII, 613, 615). Автор специального исследования на тему «Герцен и Крымская война», Ш. М. Левин, пишет по этому поводу: «Борьбу против николаевской монархии Герцен ни под каким видом не хотел смешивать с какой бы то ни было формой поддержки неприятелей, сотрудничества с ними. Он считал всякую связь и помощь им недопустимыми, компрометирующими русских революционеров, вредными для их престижа и влияния в русском обществе и народе» («Исторические записки», т. XXIX, М., 1949, стр. 189).

Герцен ясно понимал, что военно-политические устремления западных держав в Крымской войне отнюдь не направлены ни к освобождению южных славян, ни к освобождению Польши.

Характеризуя в «Былом и думах» иллюзорные надежды, которые питал в отношении этих устремлений Ворцель, Герцен писал: «Но как же он мог думать, что Англия поднимет Польшу, что Франция Наполеона вызовет революцию? Как он мог надеяться на ту Европу, которая допустила Россию в Венгрию, французов в Рим?» (XIV, 282). Поддерживая освободительные стремления поляков и отстаивая требования независимости Польши, Герцен высказывал непоколебимую веру, что Россия и все славянские народы осуществят у себя национальные революции и в результате их завоюют свободу своими собственными руками (VIII, 68, 70, 88, 89).

Это убеждение Герцена исключительно сильно выражено и в публикуемом письме.

КАРИКАТУРА ЭПОХИ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Рисунок П. М. Боклевского
Исторический музей, Москва

КАРИКАТУРА ЭПОХИ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫРисунок П. М. Бонлевского
Исторический музей, Москва

〈Лондон. Конец июля 1855 г.〉

En vous remerciant bien cordialement pour votre lettre, je vous demande la permission [d'entrer au fond] de vous exposer [ma manière de voir dans le cas des prisonniers] 〈les〉 motifs pour lesquels je déclinerai* le voyage à Portsmouth.

Si vous avez par hasard lu quelques unes de mes publications, vous [connaissez mes opinions] savez que j'ai toujours pensé, et je le pense maintenant, que l'indépendance absolue de la Pologne est un dogme [sans lequel il]. Celui des Russes qui le nie, n'est pas révolutionnaire. Or donc que les Polonais qui ont combattu toujours ouvertement le [gouvernement russe] despot〈isme〉 de Pét〈ersbourg〉 le combattent aussi avec les Turcs — je trouve que cela est naturel et juste. Les Finnois sont dans le même état. Quant aux Russes je ne le crois pas. Le Polonais venant en Pologne avec ses alliés sera reçu comme un combattant pour l'indép〈endance〉 de son pays. Tandis que le soldat russe, qui va pour la solde, n'a aucun caractère politique.

Nous autres, qui travaillons ardemment pour miner le Tzarisme mongol, comme vous le dites très bien, nous ne pouvons pas donner un conseil qui ne sera pas du tout populaire là-bas.

La mort de Nicolas a été un de ces à propos historiques, un de ces coups d'état de la providence qu'il faut nécessairement en profiter. Je n'ai jamais eu plus d'espérances. Mais soyez persuadé que le trône mongol placé dans la boue finnoise ne tombera que dans un trou creusé par les mains russes et polonaises. Car l'intervention étrangère exaspère le sentiment d'une nationalité exclusive.

Le Polonais combat pour sa patrie en combattant avec [le Turc] l'Anglais. Le soldat russe combattra pour l'argent, pour la solde. [S'il avait des] Notre carrière révolutionnaire est à la maison.

ово déclinerai зачеркнуто, очевидно, по ошибке.

J'ai été toute ma vie un ennemi mortel du tzarisme, je le serai, mais j'ai une grande confiance que non seulement la Russie, mais tout le monde Slave fera sa révolution par ses propres forces — «fara da se», comme disent les Italiens. Comment puis-je donc donner le conseil à une dizaine d'hommes d'aller faire la guerre à leurs compatriotes?

Maintenant, si on peut, par l'intermédiaire de ces hommes qui s'en vont, envoyer des écrits, des publications — j'en serais enchanté.

D'un autre côté les alliés ne veulent pas <faire> crouler le Tzarisme, ils veulent seulement le rendre décent.

Перевод:

<Лондон. Конец июля 1855 г.>

Принося вам сердечную благодарность за ваше письмо, я прошу у вас разрешения * изложить мотивы **, которые побуждают меня отклонить поездку в Портсмут.

Если случайно вам приходилось читать какие-либо из моих сочинений ***, вы знаете, что я всегда, как раньше, так и теперь, считал полную независимость Польши догмой ****; тот русский, кто это отрицает, — не революционер. Вот почему я нахожу естественным и справедливым, чтобы поляки, всегда открыто боровшиеся с ***** петербургским десп<отизмом>, боролись с ним совместно с турками. В таком же положении находятся и финны. Что до русских, то о них я этого не думаю. Поляк, который вступит в Польшу вместе со своими союзниками, будет встречен как боец за независ<имость> своей родины, между тем как участие русского солдата, идущего из-за жалования, лишено всякого политического характера.

Никто из нас, устремляющих горячие усилия к тому, чтобы подорвать, как вы прекрасно выразились, монгольский царизм, никто из нас не может дать такого совета, который там <в России> не будет совершенно пользоваться популярностью.

Смерть Николая была одной из тех счастливых исторических случайностей, одним из тех решительных вмешательств providения, которым нельзя не воспользоваться. Никогда не было у меня больших надежд. Но, будьте уверены, монгольский трон, установленный на финской грязи, свалится не иначе, как в яму, вырытую русскими и польскими руками. Ибо иностранное вмешательство обостряет чувство национальной исключительности.

Поляк сражается за свою родину, сражаясь вместе с ***** англичанами. Русский солдат будет сражаться за деньги, за жалование *****.

Нашей революционной деятельности место — дома.

Я был всю жизнь смертельным врагом царизма и останусь им. Но я глубоко убежден, что не только Россия, но и весь славянский мир совершит свою революцию собственными силами—«fara da se», как говорят итальянцы. Итак, могу ли я посоветовать десятку людей идти воевать против своих соотечественников?

А вот, если через посредство этих отъезжающих людей можно было бы переправить рукописные и печатные материалы, я был бы чрезвычайно рад.

С другой стороны, союзники не собираются разрушать царизм, они хотят только сделать его пристойным.

Автограф (черновой). ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 134, лл. 30—31.

* Далее зачеркнуто: коснуться сущности

** Далее зачеркнуто: мою точку зрения по вопросу о пленных

*** Далее зачеркнуто: вам известны мои взгляды

**** Далее зачеркнуто: без которой он

***** Далее зачеркнуто: русским правительством

***** Далее зачеркнуто: турками

***** Далее зачеркнуто: если бы у него были